

"Да, еще парочка. Во-первых, прорвись через блоки, которые наложил на меня лорд Дамблморт... и, ради всего святого, исправь мне глаза! Хотя мне и нравится быть похожим на отца, но эти очки мешают в бою! Я буду носить их для маскировки, но мне нужно уметь видеть без них".

"Легко."

"Во-вторых, раз ты сказал, что этот узел находится вне времени, значит, ты можешь отправить меня в начало лета или в конец семестра, подойдет любой вариант, но я думаю, что предпочел бы до конца семестра... скажем, до того, как мы отправимся в Министерство спасать Сириуса..."

"Гарри." Сириус прервал его, подняв руку и печально покачав головой. "Мое время на Земле закончилось. В любом случае я прожил бы еще несколько недель или месяцев. Похоже, годы, проведенные в Азкабана, истощили мою магию до такой степени, что она не могла защитить меня от простой инфекции. Эта инфекция разрослась, перекинулась с легких на все остальное тело, и теперь... ну, тогда, я полагаю... я бы все равно умер. Нет, лучше я останусь здесь".

"Сириус?" Гарри снова почувствовал жар в глазах.

"Не волнуйся, Гарри. Все остальные будут рядом с тобой. На самом деле, я думаю, будет лучше вернуться сразу после того, как ты вернешься в Хогвартс из министерства. Таким образом, это будет чистый перерыв от одной части твоей жизни к другой". Сириус заключил своего крестника в теплые и любящие объятия.

Прошли долгие мгновения, прежде чем Гарри мягко оттолкнул Сириуса.

Тот печально покачал головой, но согласился. Повернувшись к Мерлину, он сказал: "Как бы я ни ненавидел это, а я действительно ненавижу это! Я могу понять его доводы. Однако это должно произойти задолго до того, как мадам Боунс будет убита".

Брови Мерлина взлетели вверх. Как и у Амелии Боунс. Конечно, это было в его силах, но такое случалось нечасто. Только дважды за последнее тысячелетие.

"Я могу это сделать, но мне, конечно, нужно знать, чем вы мотивируете эту просьбу".

"Это не просьба, а условие. Однако я отвечу на ваши вопросы. У меня есть две очень веские причины. Во-первых, мне понадобится помощь Амелии Боунс, особенно после увольнения Фаджа. Если она будет министром, а мы все знаем, что она - лучший выбор для этой должности, и на нашей стороне, у нас есть шанс. Без нее - нет. Все очень просто. Я не могу одновременно сражаться с Волдемортом и Скримджор".

"А другая причина?" Мерлин знал, но хотел, чтобы Дамблдор это услышал.

"Меня избили до смерти... или почти до смерти. Если я вернусь в то время, которое только что покинул, или куда-нибудь поближе к нему, до или после, мне понадобится несколько месяцев интенсивной терапии, даже в магическом мире, прежде чем я стану кому-то полезен. Этого времени у нас просто нет. Таким образом, я буду здоров и цел после почти года правильного питания, отдыха и физических нагрузок, несмотря на то, что Умбич. Как вы уже объяснили, моя смерть - это поворотный пункт. Если мне удастся вернуться до этого момента, я смогу спасти по крайней мере дюжину друзей, возможно, заставить овец начать думать самостоятельно... и, может быть, запустить некоторые другие вещи в нужное время". Гарри многозначительно посмотрел на Гермиону, которая застенчиво улыбнулась ему и мило

покраснела.

Джинни с грустью наблюдала за ними. Несмотря на свою давнюю влюбленность, она знала, что с того самого момента, когда было написано последнее пикантное сообщение, они действительно должны были быть вместе, в то время как она и Гарри никогда не были вместе.

Шаркающий звук привлёк их внимание к маленькому зеленоватому существу, очень похожему на пухлого домового эльфа, одетого в рваную коричневую мантию. Существо ковыляло вперед, опираясь на шишковатую трость, и выглядело довольно старым. В комнате воцарилась тишина, и Мерлин склонился в почтительном поклоне. Гермiona тоже поклонилась. Старое существо кивнуло обоим в ответ и остановилось перед Гарри. Он тоже узнал эльфоподобного человека, поскольку видел его несколько раз, когда тот подавал попкорн и шипучие напитки Дадли и его друзьям.

Он опустился на одно колено перед маленьким мастером-джедаем и без страха встретил его пытливый взгляд. "Магистр Йода".

"Я вижу серьезную опасность на этом пути, который ты выбрал, юный волшебник!" прорычал Йода. "Сила не терпит легкого обращения".

"Мастер Йода, у меня нет выбора. Если я не победю Волдеморта, то мой мир перейдет на темную сторону. Целые народы будут истреблены или порабощены по прихоти нескольких психопатов. Как сказал Мерлин, я не могу по совести позволить этому случиться. Не сейчас, когда у меня есть сила, чтобы остановить это".

"Стремись к единству с Силой, но управляй своими эмоциями!" Йода ткнул Гарри своей палочкой Гиммера. "Таков путь ситха! Ты можешь легко перейти на темную сторону!" Еще один тычок. "Сила у тебя уже есть, но еще больше силы ты ищешь?" Йода ткнул его в третий раз. "Развратить тебя, это возможно! Поглотить тебя!"

"Мастер Йода, любая сила может развратить. Такова сама природа власти. Однако развращение заключается лишь в том, как человек воспринимает и использует свою силу. У меня есть лишь два незначительных преимущества перед существом, которое обладает гораздо большим мастерством и опытом, чем я. Во-первых, я не стремлюсь к силе просто для того, чтобы обладать ею. Я намерен использовать ее, чтобы вернуть Волдеморту силу. Он был мертв с тех пор, как я был ребенком. Теперь он существует, не совсем живой, но привязанный к этому плану через магическую конструкцию, которую он использует как тело. Если вам нужна параллель, то он - Палпатин моего мира. Я должен остановить его, пока он не стал Императором".

Лицо Йоды помрачнело при упоминании того, кто принес столько страха, страданий и смертей при его собственной жизни.

"Второе преимущество - мои друзья. У меня есть люди, на которых я могу положиться... люди, которых я люблю, и которые любят меня, чтобы не дать мне стать темным". Это то, что Волдеmort не может понять. Любовь к людям. Более того, это способность любить. А ещё - способность делать всё необходимое, в том числе жертвовать собой, если придётся, чтобы вернуть его в Силу или защитить своих друзей. Волдеmort не может этого сделать, потому что он так и не научился любить. Страх - да. Ненавидеть - да... но любить - никогда.

Риддл вырос в месте, где слова: "Бог есть Любовь" вбивали в него палкой. Его с самого начала

учили, что малейший поступок с его стороны, против которого возражала церковь, - грех, и в результате он будет обречен вечно гореть в черте возьми. Само его существование считалось грехом против Бога, который, очевидно, считал мифические действия его самых далеких предков против всех их потомков. Он также очень рано осознал, что он "не такой, как все".

Когда он проявил признаки магии, что также было грехом в глазах тех, кто его учил, они решили, что он "прикоснулся к дьяволу", и его били за это... так же, как и меня. Попытка "очистить" его душу, так сказать. Его снова приговорили к тому, чтобы гореть в черте возьми за непростительный грех обладания магией... за то, что он просто был тем, кем был. Люди, которые не желали смотреть дальше своих собственных маленьких жизней, осуждали его просто за то, что он существует. Он быстро научился скрывать свою магию... как и я. Его постоянно мучили те, кто был больше и сильнее его, потому что он отличался от других, без какой-либо поддержки со стороны персонала.

Дамблдор позаботился о том, чтобы у него не было поддержки... не было настоящих друзей, которые могли бы облегчить его боль. В конце концов, для мастера-манипулятора он был всего лишь расходным материалом, с помощью которого можно было уничтожить его последний инструмент, Гриндельвальда. Вы проводите здесь параллели? Стоит ли удивляться, что он стал озлобленным? Боязливым? Хулиганом? Он не знает любви, только страх, боль и ненависть. Это единственное реальное различие между нами. Вокруг меня есть люди, которые любят меня, и которых я люблю в ответ.

Вы сами сказали: "Страх приводит к гневу. Гнев приводит к ненависти. Ненависть приводит к страданиям". Я могу облегчить эти страдания... нет, не для него. Он многократно заслужил свою награду, но я могу облегчить эти страдания для всего остального мира. Том Риддл прошел через множество самых мрачных, самых непристойных магических ритуалов, ритуалов, включающих бессмысленное и преднамеренное убийство невинных, чтобы избежать собственной смерти, но на самом деле он не боится смерти. Поскольку его воспитывали в страхе перед последствиями своих действий, грехами, если хотите, и хотя он высмеивает все маггловское, он "знает", что обрек себя на ад, и боится попасть в ад. Я могу использовать это. Я могу использовать его страх, чтобы довести дело до конца".

"Тогда ты падешь на темную сторону!" возразил Йода. "Использовать его чувства против него - это прием ситхов. Использовать силу, когда они злы, расстроены, мстительны. Темная сторона ведет к великой силе, но еще более велика цена.

Только когда вы спокойны, пассивны, лишены эмоций, вы станете едины с Силой. Так сказал кодекс джедаев".

"Кодекс джедаев неправильный. Он несовершенен, и ты это знаешь. Кодекс слишком строгий... слишком ограничивающий. Он препятствует развитию. Ты был молодым джедаем во время последней из войн ситхов. Страх Совета джедаев перед новым восстанием ситхов и стал причиной написания нового кодекса. Этот новый кодекс требует от человека отрешиться от всех эмоций, но именно в этом его ошибка. Люди не могут отказаться от своих эмоций... не повредив себе. Это все равно что отрезать часть своей собственной... сущности. Оригинальный кодекс более подходящий, но, как и сама жизнь, он имеет свои риски. Старый кодекс допускает страсть, но при этом требует контроля над эмоциями, не контролируя их... но и не отвергая их. Старый кодекс находится в гармонии с природой, новый - в отрыве от нее.

Как и сила, магия не является ни светлой, ни темной. Она просто есть. Жизнь создает ее. Заставляет ее расти. Ты сказал Люку, что мы - создания света. Но ты ошибался. Мы не можем полностью состоять из света; у нас должны быть и темные стороны. Без тени свет не имеет

смысла, а без света нет тени. Чтобы существовало одно из них, должны присутствовать оба. Только когда одно или другое становится слишком сильным, слишком подавляющим, возникают проблемы. Тогда мы должны искать баланс между ними".

Йода нахмурил брови и поджал губы. "Верно, возможно. Я должен подумать над этим".

Как и Гарри, древний мастер-джедай долго ходил взад-вперед, размышляя над этим. Гарри поднялся, обнял Гермиону и крепко прижал её к себе. Он вздохнул с облегчением, почувствовав, как она тоже обнимает его. Со стороны за происходящим наблюдали Лили, Джеймс, Сириус и Молли. Джинни почувствовала, как по ее лицу скатилась слеза, пока Чарли не поднял ее на руки.

"Ты всегда знала, что он любит ее, не так ли?" мягко спросил он. Джинни кивнула, уткнувшись ему в грудь.

"Зачем тогда пытаться помешать их счастью?" Чарли говорил тихо, но достаточно громко, чтобы Гарри и Гермиона услышали. "Разве не лучше было бы принять их такими, какие они есть? Кто знает, может быть, они не против идеи второй жены".

Джинни нечего было сказать на это. Гарри тонко улыбнулся, обдумывая эту идею. Гермиона была немного удивлена предложением Чарли, но не особенно шокирована, поскольку ее родители были родом из более свободного, менее зажатого времени, где такие браки существовали и были счастливы.

Наконец Йода кивнул головой. Он вернулся к группе и начал говорить.

"Вы привели веские доводы. Я решил дать вам знания, которые вы ищете. В тебе есть сила, чтобы победить этого темного лорда. После этого, если вы хотите стать джедаями, ищите и обучайте молодых людей, вы должны. Только тогда ты станешь настоящим джедаем".

Йода жестом велел Гарри встать перед ним на колени, а когда тот сделал это, положил руки на виски Гарри и сосредоточился. Образы, чувства, техники и схемы заполнили голову Гарри, нарастая все быстрее и интенсивнее, пока мир не померк.

<http://tl.rulate.ru/book/102554/3545033>